

Рената Салецл: «Будущее не слишком радужно»

Беседовала *Мария Загоскина*

Рената Салецл (*Renata Salecl*) — лакановский психоаналитик, философ, социолог, одна из самых ярких представителей Люблянской школы психоанализа, автор множества статей и книг, переведенных на разные языки мира. Ее книга «Извращения любви и ненависти» (1999) стала бестселлером в русскоязычной интеллектуальной среде.

В России одновременно вышли сразу две ваши новые книги: «Тирания выбора» и «О страхе»¹. Значит ли это что-то для вас?

Перевод первой моей книги на русский — «(Из)вращения любви и ненависти»² — оказался весьма удачным и снискал массу положительных отзывов и рецензий. Так что я была счастлива получить от Виктора Мазина предложение перевести еще две моих работы. Я очень ценю возможность представить книги самой, непосредственно обсудить с читателями отдельные свои тезисы сейчас, когда мир переживает капиталистический кризис и не имеет зримых предпосылок к выходу из него. Мы живем во времена, когда страх окружает нас повсюду. Для меня было важно издать эти книги в России, перед которой стоят свои специфические политические и социальные проблемы. С нетерпением жду, как воспримут мои работы у вас.

Сейчас как никогда остро у нас стоит вопрос об отсутствии авторитетов и о растущей авторитарности.

Поиск авторитетов, особенно во времена страха, — то, о чем я пишу в своей книге «О страхе». Часто доминирующая идеоло-

1. Обе: Пер. с англ. В. Мазина. М.: Издательский дом «Дело», 2014.

2. См.: *Салецл Р.* (Из)вращения любви и ненависти / Пер. с англ. В. Мазина. М.: Художественный журнал, 1999.

гия создает страшные прецеденты, сообщая об опасности, которая может грозить нашему телу: отравленная еда, вирусы и т.д. Террористы, которых мы не можем поймать и остановить, появляются так же, как вирус, — где угодно. Я пишу о том, что вирусы и террористы — во многом сходные явления. Они являются новыми формами порождения страха с помощью медиа. Некий невидимый враг, который может атаковать в любой момент. Появляются фантазии «как же выглядит враг?» — будь то в России или в США, особенно в связи с проблемой ИГИЛ. К сожалению, зашкаливающая тревога в обществе заставляет людей идентифицироваться с лидером, который не имеет сомнений, все знает, не боится. Это успокаивает. Поэтому государство должно нагнетать атмосферу страха в обществе, чтобы появился сильный лидер — лидер как решение, лидер, который знает, куда идти во времена всеобщей неуверенности. Когда мы боимся, мы еще более неуверенны. Так появляются не только политики, но и разного рода гуру, ведающие, где опасность и как ее избежать.

Лидеры общества не чувствуют вины, не выражают сомнений и при этом подвержены агрессии. Иногда ты можешь быть агрессивным по отношению к другим, к твоим соседям только потому, что такое поведение может быть оправданно. Раньше расовая вражда, расовая агрессия была связана с биологическими различиями между людьми. Антропологические исследования перевели все в плоскость культурных различий. И сейчас мы снова возвращаемся к биологии, к заявлениям, что другие люди могут иметь генетический дефект. Подобное, к примеру, произошло в Новой Зеландии, где исследователи пытались доказать, что популяция маори чаще заканчивает жизнь за решеткой, чем белые, в силу генетической предрасположенности.

Сегодня ученые предпринимают все больше попыток найти биологические различия в устройстве мозга тех, кто может быть потенциальным врагом. Развиваются и исследования, которые смогут предсказать, кто имеет больше шансов связать жизнь с криминалом.

Получается, что гораздо проще найти врага вовне, нежели решать внутренние проблемы?

Используя лакановскую терминологию, можно говорить о своего рода фантазии, в которой общество представляет другую нацию как ту, которая крадет у нас наслаждение. Но даже исчезнове-

ние наших соседей не сделает нас ближе. С нехваткой гораздо проще справляться, если есть фигура внешнего врага, который что-то отбирает, или фигура террориста, сопротивление которому позволяет обществу сплотиться. К сожалению, политики часто используют этот прием, конструируя фантазию об уничтожении этого врага.

Фрейд утверждал, что любить своего ближнего — самая сложная задача. Общество пыталось сконструировать множество механизмов, поддерживающих идентификацию с другим, но чаще всего терпело неудачу.

Радикализация позиций, настроений всегда была свойственна подросткам. Но сейчас она присуща всем. Что это — попытка понять, кто ты есть, попытка понизить уровень тревоги?

Наиболее болезненная ситуация — пытаться справиться с врагом внутри. Бессознательная борьба, которая происходит в каждом из нас, также затрагивает и общество. Гораздо проще справляться со своими травмами, если можешь обвинить другого — семью, например, — в своем страдании. Проблема всегда всплывает на поверхность, когда другой исчезает, когда больше некого объявить врагом. И тогда приходится иметь дело с наиболее травматичной ситуацией — с врагом внутри себя. Это связано с бессознательным, с собственной субъективацией. В этот момент в психоаналитической практике начинается самая болезненная работа.

Англия (страна, в которой вы сейчас преподаете) предлагала политику мультикультурализма. Эта политика провалилась. Россия только недавно столкнулась с проблемой мигрантов. Что вы думаете об этом?

Это очень серьезный вопрос. Государство всегда получает огромную выгоду от иммигрантов. И богатство Англии в большей степени зависит от них. Почти все профессии, которые связаны с работой руками, заняты иностранцами. Проблема в том, что эти люди живут на очень низком уровне. Часто возникают дебаты на тему того, что иммигранты должны иметь столько же прав. И снова они конструируют фантазию, будто кто-то обкрадывает государство, имеет больше преимуществ и т. д. Это лишь еще один способ направить рассуждение в иное русло — подальше от корня проблем капиталистического общества. Обвинение иностранцев — всеобщая тенденция. Но проблема не в иммигрантах, а в том, что происходит внутри общества.

В Италии несколько лет назад была прекрасная акция: один день без иммигрантов. Их попросили один день провести дома, чтобы показать жителям, что будет, если иммигранты не выйдут на работу. Множество людей действительно не пришли. В этот день нельзя было съесть пиццу, не было свежего хлеба, для выпечки которого иммигранты так рано приходят на работу, улицы начали покрываться мусором. Даже в госпиталях некому было навести порядок, так как большинство низового медперсонала — иммигранты. К сожалению, по-настоящему масштабной акция не стала, так как многие иммигранты не могут позволить себе пропустить работу.

Американское вторжение в Ирак, война в Афганистане и прочее — все это способствовало усилению радикальных позиций на Востоке. Исламское государство — это новая форма фантазма. Это детище того самого вторжения, попытка создать сопротивление, которое действует по пути разрушения. Нам показывают эти ужасные обезглавливания иностранцев, на это невозможно смотреть. Однако решение этой проблемы не менее жестоко. К сожалению, мы забываем о более глобальном исходе. Что стоит за радикализацией ислама? В чем его сила? Как он создают идентификацию? Люди сегодня разочарованы в либеральном капитализме, и они готовы принести себя в жертву.

Я не вижу простого решения. И теоретики, которые работают с терроризмом, также отмечают, что в прошлом не было случаев, когда с террористами пытались разговаривать. К сожалению, начиная с политики Буша никто не пытается разговаривать. Но ведь разговор не означает согласие с их позицией. И один из важнейших шагов, которые мы можем предпринять, — это новые формы коммуникации.

Удивительно, что после стольких терактов молодые люди добровольно едут в исламское государство. Почему в основном молодое поколение выбирает такой путь?

Уезжают даже из Словении. Они ищут новые формы идентификации в исламе. Они искренне верят, что существует иная организация общества. И я не удивлена. Люди ищут лидеров, ищут ответы. И некоторые находят. Сегодня общепринятые авторитеты уже не работают. Некоторые авторитеты могут успокаивать. И возвращение к религии является одним из ответов, пусть не во всех ситуациях. Мне кажется, в России тоже все больше возвращаются к религии.

Можно ли предположить, что у большинства людей, которые уезжают в исламское государство, психотическая структура личности? Ведь у них нет страха.

Сложно так обобщать. Но, конечно, многие из них могут иметь психотическую структуру. Некоторые могут быть просто невротиками, которые ищут мастера, гуру.

Каково, по-вашему, будущее психоанализа в современном обществе, в котором господствуют идеи пользы, блага?

Будущее не слишком радужно. Во-первых, фармакологическая индустрия. Огромное количество симптомов приносят компаниям громадный доход. Фармацевты улучшают дизайн упаковки лекарств, переименовывают их, создают все новые заболевания. Также значительно учащаются медикаментозные решения в отношении детей, что связано с нехваткой самих родителей, с их неспособностью дисциплинировать ребенка, а еще неуверенностью. И лекарства выступают в роли решения проблемы.

Во-вторых, всевозможные терапии, направленные на немедлительную помощь. Набирает популярность поведенческая терапия. В этих условиях психоанализ отходит на второй план. Большинство людей ищут решение своих проблем в таблетках или пытаются найти неких гуру, тренеров личностного роста. Психоаналитические сообщества испытывают сходные трудности. Они создают новые теории, вместо того чтобы думать о проблемах, с которыми сталкиваются люди сегодня. Естественно, случаются и схватки между сообществами, некоторые из них начинают функционировать как один из видов религии, повторяя мантры старых авторитетов.

Психоанализ выживет. Конечно, он находится в критическом состоянии с самого своего рождения. Теоретики уже умерли. Бурно развивается неврология. Но мы наблюдаем случаи в клинике, когда люди нуждаются в терапии разговора. Самая большая проблема — найти терапевта, который будет тебя слушать. Мы ощущаем очень большую нехватку внимания друг к другу, особенно в семьях. И психоанализ — один из выходов, свободный разговор, где тебя услышат. Люди, которые перепробовали разные виды терапии, лекарств, в итоге приходят к психоаналитику. Поэтому мы можем сказать, что у психоанализа есть будущее. Большое или нет, зависит от многих факторов: от могущества фармакологии, от самокритичности психоаналитических сообществ.